

ВЕСТНИК
АКАДЕМИИ НАУК
СССР

4

1 9 5 0

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Д. А. АВДУСИН и М. Н. ТИХОМИРОВ

ДРЕВНЕЙШАЯ РУССКАЯ НАДПИСЬ

Богатая русская письменность XI—XII веков представлена несколькими имеющими точные даты их происхождения памятниками. Древнейшими датированными русскими памятниками являются Остромирово евангелие и Тьмутараканский камень. Остромирово евангелие было написано в 1057 году, при князе Изяславе Ярославиче Киевском, для новгородского посадника Остромира. Надпись на так называемом Тьмутараканском камне, найденном на Таманском полуострове, сделана в 1068 году и указывает в саженях расстояние от Корчева (Керчи) до Тьмутараканя по морю, вымеренное по приказанию князя Глеба.

В обоих случаях речь идет только о памятниках датированных, но имеется ряд недатированных рукописей XI века, которые по палеографическим данным должны быть отнесены к этому столетию. Дошедшие до нас рукописи XI—XII веков представляют собой только небольшой остаток того письменного богатства, которым владела Киевская Русь. Бесчисленные пожары и разорения погубили в течение ряда веков большое количество русских письменных памятников. В этом мы находим объяснение тому, что лучшие произведения русской литературы киевского периода сохранились лишь в относительно поздних списках. «Повесть Временных Лет», составленная в начале XII века, известна нам только в списках XIV и XV веков, «Русская Правда» в краткой редакции, восходящей к XII или самому началу XIII века, сохранилась лишь с середины XV века, и т. д. А единственный список «Слова о полку Игореве», относящийся, повидимому, к XVI веку, погиб в московский пожар 1812 года.

Еще хуже обстоит дело с памятниками X века. Из них договоры Руси с Византией известны нам в копиях, внесенных в летопись. Ни одного памятника русской письменности X века, хотя бы в виде короткой надписи, до сих пор не было обнаружено. Да и трудно было надеяться его отыскать. Тем большее значение имеет славянская надпись, найденная одним из авторов этой статьи (Д. А. Авдусиным) при раскопках Гнездовских курганов под Смоленском.

*

В июле — августе 1949 года археологическая экспедиция Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова и Смоленского областного краеведческого музея под руководством Д. А. Авдусина возобновила раскопки величайшей в мире курганной группы у деревни Гнездово близ Смоленска.

Раскопки гнездовских курганов были начаты в 1874 году М. Ф. Кусциным, который раскопал 14 курганов. В одном из этих курганов было обнаружено погребение воина с двумя рабынями. Сожженные кости были помещены в глиняные горшки. Около урны с прахом мужчины были воткнуты в землю меч и копье.

После М. Ф. Кусцинского в Гнездове работал ряд исследователей. В 1885 году В. И. Сизовым был раскопан курган около 10 м высоты, в котором было обнаружено очень богатое погребение воина. Из находок в этом кургане следует отметить меч, копье, щит, железный шлем с орнаментом в стиле русской деревянной резьбы, всевозможные украшения и четверть диргема 905—906 годов. Рядом с этим курганом был раскопан небольшой курган, где обнаружено только погребение лошади,—видимо, боевого коня дружинника, похороненного в большом кургане. При костяке лошади также был найден диргем 913—914 годов.

Особенно интенсивно раскопки гнездовских курганов производились в 1894—1905 годах, когда там работали В. И. Сизов¹, С. И. Сергеев², И. С. Абрамов³, вскрывшие несколько сот насыпей. После этого в Гнездове производились лишь очень небольшие раскопки, не давшие почти ничего. В общем Гнездово копали не менее 20 раз, причем было вскрыто более 650 курганов.

На основании материала, добытого этими раскопками, установлено, что Гнездово — кладбище кривичских дружинников. Абсолютное большинство гнездовских курганов датируется X веком по инвентарю и по частым монетным находкам. Встречаются курганы IX века, но более поздние погребения единичны, причем они не старше двух первых десятилетий XI века. Основные находки в Гнездове — предметы вооружения (мечи, стрелы, конья, колчуги, шлемы и пр.), монеты арабские и византийские, различные украшения, горшки славянского типа и др. Абсолютное большинство вещей — местного происхождения.

Гнездовские курганы исключительно важны для изучения генезиса феодального класса древней Руси. Материалы гнездовских курганов дают основание утверждать, что в это время у кривичей происходило становление классового общества и резкое имущественное расслоение, выделялось ремесло. Гнездовский материал доказывает незначительность варяжского элемента в русской дружине.

Раскопками 1949 года были вскрыты 42 насыпи так называемой «лесной группы» курганов. Полученный материал типичен для Гнездова. 10 курганов погребений не содержали. Они, видимо, являются кенотафами — памятниками, поставленными воинам, погибшим на чужбине. Таких курганов и в прежних раскопках было около 25%. Остальные 32 кургана дали трупосожжения. Устройство курганных насыпей типично для Гнездова. Найдены, как и раньше, монеты. Большинство раскопанных в 1949 году курганов датируется X веком, и лишь один курган — IX веком. Курганов, относящихся к более позднему времени, не было обнаружено.

Вещи, добытые при раскопках 1949 года, весьма интересны. Кроме обычных для Гнездова стрел, копий, железных и медных украшений, бус, горшков и т. п., найдены два прекрасных меча, две золотые бляхи,

¹ В. И. Сизов, Курганы Смоленской губернии, «Материалы по археологии России», СПб., 1902, № 28.

² А. А. Спицын, Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева, «Известия Археологической комиссии», вып. 15, СПб., 1905.

³ А. А. Спицын, Отчет о раскопках, произведенных в 1905 году И. С. Абрамовым в Смоленской губернии, «Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества», т. VIII, СПб., 1906.

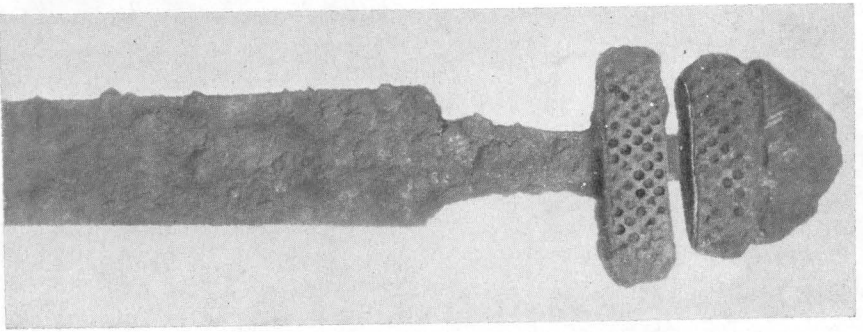

Рис. 1. Верхняя часть меча, найденного в кургане № 13. (Раскопки 1949 года.)

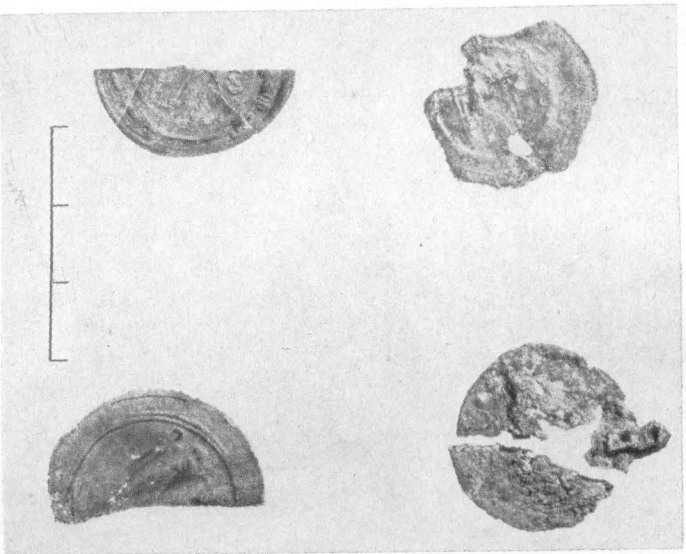
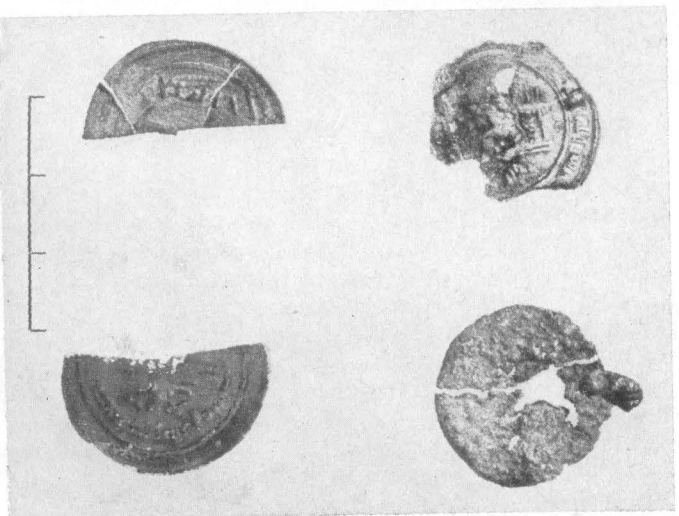

Рис. 2. Монеты, найденные в кургане № 13 (Слева—лицевая сторона; справа—оборотная сторона)

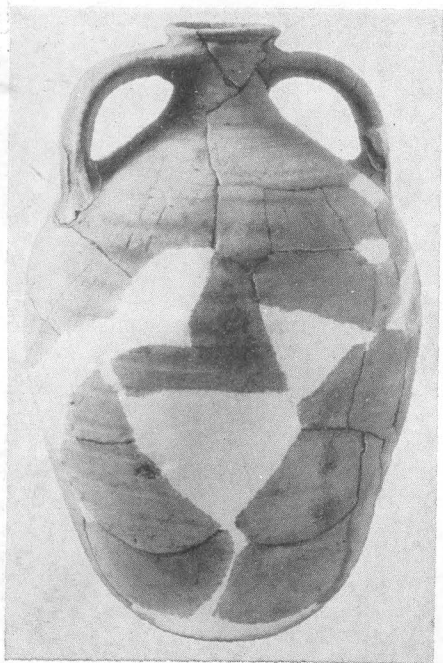

Рис. 3. Сосуд с надписью
из кургана № 13

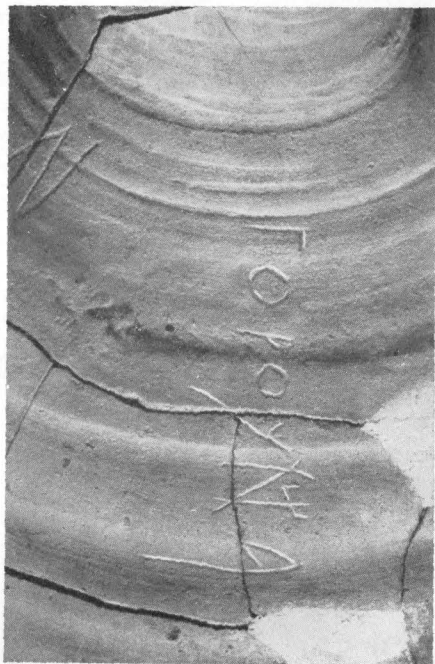

Рис. 4. Надпись на сосуде
из кургана № 13

одна из которых — тонкой ювелирной работы, ножницы современного типа и ножницы древнего дружинного типа (вроде современных «овечьих»), замок и ряд других вещей.

Особенно интересным оказался курган № 13, где было найдено погребение воина с одной или может быть двумя рабынями. Курган представлял собой песчаную насыпь в форме шарового пояса, т. е. имел несколько плоскую вершину. Подобные насыпи в Гнездове встречаются часто и обычно содержат наиболее богатые погребения. Размеры кургана таковы: высота — 1,6 м, диаметр кургана — около 15 м, окружность основания — 51,5 м. На глубине 1,45 м обнажилось громадное кострище, состоявшее из мощного слоя мелкого жирного угля. В толще кострища найдено свыше 200 различных предметов; в его центре стоял большой глиняный сосуд, лепленный от руки, в котором находились жженные человеческие кости и различные предметы женского туалета. В 1,5 м от сосуда обнаружен воткнутый в землю меч, сломанный пополам, общеевропейского так называемого каролингского типа. Вокруг меча также находились жженные человеческие кости. Рукоять меча богато отделана серебром. Точно такой же меч был найден при раскопках Кусцинского⁴. На кострище найдено большое количество (свыше 50) железных заклепок, позволяющих предполагать, что покойник был сожжен в ладье. Найдены также различные бусы (в том числе две серебряные от славянских височных колец), застывшие капли расплавленных золотых украшений, пять диргемов, точильные бруски, складные карманные весы, гири к ним и пр.

По найденным вещам погребение легко датируется. Меч из этого кургана (рис. 1) по классификации Петерсена относится к IX веку⁵. Бусы найденных в кургане форм и складные карманные весы существовали преимущественно в X веке. Точную дату дают арабские диргемы. Один из них, к сожалению, совершенно неопределим. О втором диргеме можно лишь сказать, что он, как и все остальные, чеканен при Аббасидах (рис. 2); приблизительная дата третьего диргема — вторая половина VIII — начало IX века; четвертый диргем чеканен в 234 году хиджры (848—849 годы нашей эры); пятый, происходящий из Мединет-ас Селяма (Багдад), чеканен в 295 году хиджры, т. е. в 907—908 году нашей эры⁶. Лишь один диргем (второй) имеет ушко и носился как привеска к ожерелью, а остальные употреблялись в качестве денег. Если для третьего диргема за дату чеканки принять наиболее позднюю — начало IX века, то значит он бытовал не менее 100 лет — срок для монет очень большой. Поэтому можно утверждать, что между временем чеканки и временем захоронения самого позднего диргема был очень небольшой перерыв. Следовательно дата курганного комплекса весьма близка к дате чеканки этого диргема, и данный комплекс мы можем датировать первой четвертью X века, т. е. тем же временем, что и большинство гнездовских курганов.

По всему кострищу были разбросаны черепки не менее трех сосудов, причем черепки одного из них свидетельствовали, что он был сделан на гончарном кругу. Черепки этого сосуда были разбросаны на площади диаметром более 3 м, значит он был умышленно разбит при похоронах, а не раздавлен тяжестью земли. На одном из его черепков удалось прочитать надпись.

⁴ М. Ф. Кусцинский, Археологические исследования в Смоленской губернии, «Древности», т. IX, вып. 1, 1881.

⁵ J. Petersen, De norske vikingsverd, Kristiania, 1919, табл. 1, рис. 1. Меч относится к типу E.

⁶ Определение монет произведено сотрудницей Государственного исторического музея С. А. Дюмидовой, за что приносим ей свою глубокую благодарность.

Сосуд был склеен. Оказалось, что он имеет амфоровидную форму, с узким горлом, двумя ручками, круглодонный (рис. 3). Сделан, как сказано выше, на гончарном кругу, но еще ленточной техникой (ленточная спираль прекрасно прослеживается), тесто хорошее, без грубых примесей, обжиг хороший. По качеству изготовления это лучший из найденных в Гнездове в 1949 году сосудов, чем подтверждают слова В. И. Сизова, что при похоронах разбивались именно лучшие сосуды⁷. Сосуды, подобные найденному, на Руси назывались корчагами; в них хранили и перевозили различные жидкости, преимущественно вино, но и не только жидкости, как увидим ниже. Корчаги существовали лишь в домонгольское время⁸. На найденной корчаге у одной из ручек имеется значок, напоминающий букву *N*, процарапанную чем-то острым по сырой глине. С той же стороны обнаружена надпись, сделанная уже на обожженном сосуде. Она идет сверху вниз по плечу сосуда и состоит из восьми букв. Как сказано выше, курган относится к началу X века, значит надпись датируется временем не позже первой четверти этого века.

Гнездовская надпись состоит всего из одного слова (рис. 4). Она ясно разбирается и может быть прочтена как слово «гороухща». Следует отметить, что такое чтение было сделано нами при первоначальном знакомстве с надписью на сосуде, а потом подтверждено фотографией. Это как будто является некоторой гарантией того, что чтение слова произведено правильно.

Для сравнения начертаний Гнездовской надписи на сосуде мы имеем очень немного памятников. К их числу принадлежит, например, надпись болгарского царя Самуила, которая была сделана в 993 году на надгробной плите родителей и брата Самуила в Македонии близ озера Преспы⁹, а также некоторые другие эпиграфические и рукописные памятники XI века.

При малом количестве букв анализ Гнездовской надписи очень затруднителен. К тому же даже надпись Самуила отделена от нее промежуток времени примерно в 50—70 лет, не говоря уже о том расстоянии, которое отделяет Гнездово от восточной Болгарии.

Тем не менее между обеими надписями имеется определенное сходство в начертании букв, с тем отличием, что буквы Гнездовской надписи имеют большую геометричность, что соответствует ее большей древности. Так, в Гнездовской надписи обе буквы *o* написаны широко, как почти ровные круги. Такое широкое *o* имеется кое-где и в надписи Самуила (6-я строка сверху), а также на Тьмутараканском камне. Характерно, что широкое *o* употребляют греческие рукописи IX века¹⁰. Отметим здесь, что круглое *o* имеем и в Архангельском евангелии 1097 года. Там же находим широкое *o* в *ou*¹¹. Следовательно начертания этой буквы не противоречат нашим представлениям о древности Гнездовской надписи.

Несколько необычной в этой надписи представляется буква *a*, имеющая длинный хвостик, тянущийся далеко вниз. Особенность этого хвостика заключается в том, что он обращен прямо вниз, а не поставлен

⁷ В. И. Сизов, Ук. соч., стр. 19.

⁸ Б. А. Рыбаков, Надпись киевского гончара XI в., «Краткие сообщения Института истории материальной культуры», вып. XII, М., 1946.

⁹ Эта надпись опубликована в книге: Е. Ф. Карский, Славянская Кирилловская палеография Л., 1928, стр. 107. Фотография надписи дана в книге: W. N. Siatarski, Geschichte der Bulgaren, T. 1, Leipzig, 1918, S. 65.

¹⁰ Henri Omont, Fac-similés des plus anciens manuscrits grecs, Paris, 1892.

¹¹ Н. М. Каринский, Образцы письма древнейшего периода истории русской книги, Л., 1925, табл. 11.

несколько наискось, слева направо, как в надписи Самуила. Но это объясняется материалом, на котором была сделана Гнездовская надпись: хвостик буквы *a* проходит как раз в том месте, где сосуд образует сгиб, поэтому провести надпись с отклонением вправо было затруднительно. Так как под петелькой буквы *a* прошла трещина, то эта петелька кажется непомерно большой, чего нет в действительности. Петелька по длине равняется всего $\frac{1}{3}$ всей длины буквы. Длинный хвост у буквы *a* имеется и в надписи Самуила (4-я строка снизу).

Буква *p* в Гнездовской надписи также находит аналогию в надписи Самуила, имея маленькую головку и небольшую палочку. Впрочем, эта буква не является достаточно выразительной и немного дает для характеристики Гнездовской надписи. В этом отношении показательнее очень простое *z*, состоящее из двух палочек, соединяющихся наверху под прямым углом. Это древнейший способ изображения *z*.

Очень своеобразна буква *x*, написанная в виде двух пересекающихся черточек. В надписи Самуила буква *x* изображена (2-я строка сверху) в виде двух прямых косых черточек, пересекающихся наподобие андреевского креста. Однако в той же надписи (6-я строка сверху) имеется другое *x*, где обе пересекающиеся черточки несколько искривлены, а одна из них (идущая справа налево) длиннее другой. Вообще буква *x* в Гнездовской надписи несколько необычна и не встречает пока аналогий.

Буква *y* (часть *ou*) очень близка к этой букве в надписи Самуила с тем отличием, что она имеет, как и буква *a*, длинный хвостик. Может быть эта особенность находит себе объяснение в материале, на котором сделана надпись, — бока глиняного горшка.

Пожалуй, своеобразнее всех буква *щ*. Она представляет собой небольшое, косо поставленное над строкой *ш*, от которого идет длинный хвостик, прямо продолжающий среднюю палочку *ш*. В рукописях XI века *щ* изображается обычно как *ш*, поставленное на *т*, но хвостик этой лигатуры обычно опускается ниже строки. В Гнездовской надписи буква *щ* еще целиком стоит в строке, а хвостик ее не спускается за строку вниз, как в более поздних надписях. Следует указать, что первоначальные буквы *гъ, ѿ, ѡ, Д, х, ц* стояли в строке, не подымаясь выше и не опускаясь ниже ее. Буквы *щ* в надписи Самуила нет, но можно предполагать, что и она, подобно другим буквам алфавита, писалась в строке. Перед нами прекрасное доказательство древности Гнездовской надписи, а также ее славянского происхождения, так как буква *щ* отсутствовала в греческом алфавите и являлась особенностью славянской азбуки.

К сравнению может быть привлечена и другая надпись X века, найденная в бывшей болгарской столице Преславе. Она вырезана на камне и помещалась на северной стороне большого храма, который был построен при царе Симеоне и разрушен в 972 году византийским императором Иоанном Цимисхием. В этой надписи, относящейся к первой половине X века, находим определенное сходство с начертаниями Гнездовской надписи. Таково простое *z*, а также буква *a* с длинным хвостом вниз и относительно большой петлей. Особенно интересно *ц*, стоящее несколько косо и в строке, как и *щ* в Гнездовской надписи¹².

Что же собственно означает надпись на Гнездовском сосуде, которая произносилась как «горухща» (*ou — y*)? В «Лексиконе к объяснению

¹² «Български Преглед. Списание за славянска филология». Година 1. Книга 1. София, 1929, стр. 100—124. От Кр. Миятев, Симеоновата църква в Преслав и ней опять епиграфичен материал.

древних славянских слов», составленном Миклошичем, читаем слова: «гороуха» и «гороушица». Слово «гороуха» (читается как «гороуха») обозначало горчицу или горчичное семя (sinapi)¹³.

Это слово было известно и русским памятникам. Так, в Остромировом евангелии находим «зрьно гороушно», а в житии Феодосия Печерского, написанном в конце XI века Нестором, — даже «горушьно». Нет никакого сомнения, что Гнездовская надпись и представляла собой своеобразное воспроизведение слова, причем писец колебался, как его написать, — через *х* или *щ*, отчего и получилось «горушца». Своеобразие написания этого слова не должно нас удивлять, так как орфография памятников раннего периода должна была быть еще не очень точной, вернее, колеблющейся, может быть она и соответствовала произношению этого слова на Руси. Кроме того нельзя забывать служебного значения этой надписи на сосуде¹⁴.

Памятники письменности IX—XII веков показывают, что горчичное семя и горчица были известны на Руси, но можно предполагать, что под «горушцей» нашей надписи собственно понималось не горчичное семя, а вообще какая-то горькая пряность. Так слово «горьчица» употреблялось иногда для обозначения просто горького зелья, приправы. «С горчицами да снедять», — читаем в одном русском памятнике, где греческое и латинское слово «picridas» переведено как «горчица», в одном списке — даже как «хрен»: «опресноки с горьчицами едуще», — читаем в другом русском памятнике перевод того же греческого и латинского слова¹⁵. Можно предположить, что под словом горчица, или «гороушца» нашего памятника, следует понимать собственно не горчичное семя, а перец — одну из самых дорогих пряностей средневековья. Это предположение, конечно, требует проверки, но оно согласуется с нашими представлениями о причинах, по которым понадобилось делать надпись на глиняном сосуде. Перец принадлежал к таким продуктам, которые высоко ценились на рынке как приправа к столу богачей. Он ценился буквально на вес золота. Между тем перец в качестве обменной единицы указан уже в уставной грамоте церкви Ивана Предтечи на Опоках в Новгороде, возникшей до 1136 года¹⁶.

Возникает вопрос: как широко было распространено употребление пряностей на Руси? Прямой ответ на этот вопрос получаем из летописи. В 1228 году новгородский князь Ярослав Всеволодович уверял псковичей, подозревавших его в недобрых замыслах, что он вез с собой в Псков «паволоки и овощи»¹⁷, т. е. дорогие ткани и овощи. Конечно, современное понятие слова «овощ» совершенно сюда не подходит, так как овощи названы рядом с паволоками — драгоценными тканями. Можно предполагать, что речь идет здесь не о сухих фруктах, а о дорогих пряностях.

Какое большое значение придавалось на Руси «овощам», видно из знаменитых слов Святослава о значении Переяславца на Дунае как торгового центра. В числе товаров, привозимых туда из Греции, он на-

¹³ Fr. Miklosich, *Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum*, Vindobonae, 1862—1865, стр. 137.

¹⁴ Приносим свою глубокую благодарность сотруднице Государственного исторического музея М. В. Щепкиной, подобравшей нам некоторый сравнительный материал по истории письменности XI—XII веков.

¹⁵ И. И. Срезневский, *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*, т. I, СПб., 1893, стр. 559 и 561.

¹⁶ Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку, СПб., 1888, стр. 489.

¹⁷ Там же, стр. 225.

зывает «злато, паволоки, вина и овошewe разноличныя»¹⁸. Такая ценность «овошей», ставившая их в один ряд с золотом, драгоценными тканями и вином, вполне понятна, если под ними понимать в первую очередь пряности, в том числе перец, находивший постоянный сбыт на средневековых рынках. Отметим, что в числе даров, которые вещей Олег привез в Киев, летопись называет также «злато, и паволоки, и овоши, и вина, и всякое узорочье»¹⁹. Поэтому нет ничего удивительного и в том, что «овошewe разноличныя» попали и на север, в Гнездовский курган, в числе других товаров и разного «узурочья». Кто знает, может быть, гнездовский сосуд хранил те овоши, по-нашему пряности, которые входили в состав даров, полученных Олегом от греков после похода на Царьград? Во всяком случае археологические находки, сопровождающие гнездовский сосуд, ведут нас, как мы видели, к первой четверти X века, к временам походов Олега на греков.

Может возникнуть вполне естественный вопрос о назначении самой надписи, так как до сих пор еще не изжито представление о крайне слабом развитии письменности на Руси в раннее время. Но это соображение кажется основательным только при слабом знакомстве с вещевыми памятниками Киевской Руси. Раскопки советских археологов показали, что надписи на предметах обихода были в Киевской Руси явлением весьма распространенным. Широко известны пряслица из розового шифера, добывавшегося на Волыни. На таких пряслицах (грузиках для веретен), дорого ценившихся в Киевской Руси, находим надписи с именами их владельцев. В Рязани найдено пряслице с надписью «Молодило», в Новгороде — «Мартин», в Вышгороде под Киевом — «невесточье», в Киеве — «Потворин пряслен»²⁰. Добавим, что, судя по надписи «невесточье», такие пряслица были свадебными подарками, поэтому на них часто и обозначались мужские, а не женские имена.

Замечательные находки были сделаны в последующие годы советскими археологами — А. В. Арциховским, Б. А. Рыбаковым, А. Я. Монгайтом и другими. Ими обнаружены различные предметы русского быта XII—XIII веков (остатки деревянного аршина, сосуд для вина и пр.) с русскими надписями, указывающими принадлежность, а иногда и назначение предметов. Характер и назначение этих надписей заслуживают особой статьи, которая может быть написана только после обнародования результатов раскопок названными учеными. Отметим только несколько фактов. На днище бочки, откопанном на Ярославле Дворище в Новгороде, читаем надпись XII—XIII веков — «Юрищина», на женской сапожной колодке — «Мнези»²¹. Большую надпись на корчаге разобрал и комментировал Б. А. Рыбаков. Все это показывает, что грамотность в древней Руси была гораздо больше распространена среди населения, чем обычно предполагают. Об этом свидетельствуют начерпанные по сырой штукатурке надписи в Софийском соборе в Новгороде, в Киевской Софии, в Выдубицкой церкви и т. д.

Из всех этих надписей древнейшей является Гнездовская надпись. Ее интерес и значение не ограничиваются тем, что она доказывает, какую большую международную торговлю вели обитатели Гнездова в X веке. Эта надпись является вместе с тем древнейшим русским памятником письменности, дошедшим до нас в подлинном виде, — памят-

¹⁸ Летопись по Лаврентьевскому списку, СПб., 1872, стр. 66.

¹⁹ Там же, стр. 31.

²⁰ А. В. Арциховский, Введение в археологию, изд. 3-е, М., 1947, стр. 178.

²¹ «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры», XXVII, М., 1949, стр. 123.

ником пока единственным²². Она показывает, что грамотность на Руси восходит к начальным десятилетиям X века, причем эта грамотность была кирилловской. Это не значит, что глаголица не употреблялась на Руси, но пока с полной уверенностью можно говорить, что появление кириллицы в русских землях, видимо, произошло в очень раннюю эпоху.

Если мы вспомним, что кириллица была распространена в Болгарии с которой Россия уже в X веке имела оживленные сношения, то ее распространение на Руси представится нам явлением вполне закономерным.

Гнездовская надпись заставляет заново поставить вопрос о распространении письменности на Руси. Надпись на глиняном горшке с пряностями говорит о том, что грамотные люди уже существовали на Руси. Об этом и ранее свидетельствовали договоры Олега с греками, написанные, как это доказал академик С. П. Обнорский, на русском языке. Сама сохранность договора в казне киевского князя показывает, какая ценность придавалась киевскими князьями этим документам. Сплошь неграмотная Русь, какой ее все еще стараются представить тенденциозные зарубежные писатели, не нуждалась бы в письменных договорах. Указание же в договорах на «христианую Русь», принимавшую клятву в церкви святого Илии, свидетельствует о раннем распространении христианского культа на Руси, а отправление этого культа было невозможно без церковных книг и, следовательно, без людей, обученных грамоте. Не случайно византийские источники XI—XII веков утверждали, что Русь была крещена еще в IX веке, при патриархе Фотии, а Владимир Святославич только придал христианскому культу официальное значение.

Норманисты пытались представить Гнездово скандинавской колонией; они утверждали, что в гнездовских курганах похоронены воины-скандинавы, якобы составлявшие большую часть русской дружины. Именно с Гнездовым связаны основные построения сторонников норманской теории, находящиеся в вопиющем противоречии с историческими и археологическими фактами. Гнездово никогда не было скандинавской колонией, а в русской дружине никогда не преобладали варяги²³. находка в Гнездове наносит еще один жестокий удар этой пресловутой теории. Славянская надпись на гнездовском сосуде ясно говорит о национальной принадлежности тех, для кого этот сосуд предназначался. Она написана на славянском языке, славянином и предназначалась для славян. Недаром же в договоре Игоря 944 года на первом месте поставлены Игорь, его сын Святослав, его жена Ольга, а вслед за ними — Игорь, Володислав и Передслав (или Предислава).

Гнездовская находка блестяще подтверждает, что русская письменность с самого начала была славянской.

Советская археология достигла еще одного большого успеха. Раскопки древнерусских памятников, так блестяще начатые рядом научных учреждений нашей страны во главе с Академией Наук СССР, должны быть продолжены. Они в корне изменяют наши взгляды на древнюю Русь. Трудными советских историков, и в первую очередь

²² Можно предполагать, что такие надписи могли быть и на других предметах, найденных во время раскопок прежними археологами, но, вероятно, не привлекли к себе внимания, поэтому остались неопубликованными или просто погибли. Современная высокая техника советских археологических изысканий сразу обнаружила немалое количество надписей XI—XII веков.

²³ Д. А. Авдусин, Варяжский вопрос по археологическим данным, «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры», XXX, М., 1949.

академика Б. Д. Грекова, доказана высокая русская культура XI века. Теперь сделан дальнейший шаг к тому, чтобы показать, что эта культура не возникла на пустом месте, а имела основанием, по крайней мере, предшествующее столетие, но вероятнее всего, не одно столетие.

Гнездовская надпись удовлетворительно разрешает вопрос и о том, что это за письменность была у руссов, которые приходили Волгой к Итилю, столице Хазарского царства, в X веке. Ибн-Фадлан рассказывает, что на могиле похороненного русса была поставлена деревяшка, «написали на ней имя (этого) мужа и имя царя руссов и удалились»²⁴. Такой же столб-памятник стоял и на Гнездовском кургане, в котором найден сосуд с надписью. Похороны русса, виденные Ибн-Фадланом, относятся к той же первой четверти X века, когда была сделана Гнездовская надпись. Как видим, надпись на могиле знатного русса, умершего на Волге, могла быть сделана кирилловскими буквами. В связи с этим надо заново поставить и вопрос о тех «рушьких письменах», которые видел Кирилл Философ, создатель славянской азбуки, в Корсунь.

Таковы те большие научные вопросы, которые ставит короткая надпись из Гнездова и которые могут быть разрешены только с помощью новых раскопок, в первую очередь в том же Гнездове.

²⁴ «Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу», перевод и комментарии под редакцией академика И. Ю. Крачковского, М.—Л., 1939, стр. 83.